

Герман Власов

САМОЛЕТ НАД МОСКВОЙ

•

Как были правильными, были
детьми, как брюки гладили,
как буквы вместе выводили,
и на окно залазили;
какою яркой была зависть,
на раз-два-три понятною,
как аккуратно прикасались,
до лба, горели пятнами;
как старые ботинки жали,
как плыл вагон с линкрустами,
домой от школы провожали,
признанья были устными,
а письменными — реже, ибо,
не зная даже дольника,
горел октябрь прохладной глыбой,
смущая мысли школьника.

•

Несу — не растерять бы в памяти
(подмышкою сжимаю альт) —
деревья старые и каменный
дом, в узких трещинах асфальт,
вчерашнюю картину быта и
подъезд без лифта, взгляд в пролет,
балкон и жигули немытые,
и над Москвою самолет.
Облиты тополиным семенем

пустая улица, июнь —
 как бы в янтарь вместились времени,
 когда доверчив был и юн.
 Луч направляю и на простыни
 со слайдов резкость навожу.
 Вот здесь дружили мы подростками:
 ты куришь, я пломбир лижу;
 потом в кино на фильму взрослую,
 где на момент оголена
 актрисы грудь, а рядом розовый
 актер от грима и вина.
 А после от Орбиты зрительной
 дворами на знакомый двор,
 и в арке кодой примирительной
 о Сириусе разговор.
 Ночь летняя, пора нешкольная,
 пух тополя — в одном глотке.
 И рифмы глупые, глагольные,
 и Кроны вкус на языке.

Движенье прищепкой, распята в окне простыня.
 В одном измеренье качается ветром она.
 Воскресным, погожим румяного августа днем
 качается, как метроном.
 Как наново лист, приглашая нырнуть в молоко,
 где варится смысл и слова превращаются в пенку.
 И где проявляется фото: ребенок легко
 стоит опершись за коленку
 отца. И отец погруженный в пейзаж
 воскресного чтения: едет по полю телега;
 а, может быть, судно какое на абордаж
 пираты берут или сон про Олега.
 Допустим, Олег, его щит... Но очнулась Ордынка.
 Страница уже не страница — слюда
 и мысль, как щенка с поводком, рвут обратно туда,
 где в щепках белеет простынка.

●

Очистить горло, просвистать
на утренней заре.
Я целый день не мог писать.
Я вспомнил: в январе
морозец мял, пар изо рта
невнятный выходил.
Пальто и снега скрипота,
как этот снег любил.
Вот этот иней, теплый дом,
где мама и отец,
и блюдце — улица вверх дном,
троллейбус, наконец,
Тридцать четвертый ледяной
от Киевской, где парк.
Как ехал вечером домой
и выдыхали пар...
Будь другом — дай переписать
тот зябкий день на дню,
троллейбус, нотную тетрадь,
где я тебя люблю.

●

Есть двойное наружу,
а что там — уже не скажу.
Я жестоко простужен
и в свитере синем лежу.
Что там с солнцем и ветром,
какое кружение в нем
есть движение веток
неправильный стук, метроном.
Как вагонная дверца,
на станции бросив стучать,
неумно как сердце

решившее вдруг помолчать;
осмотреться, послушать,
и вычислить шум остальной, —
чтобы в душу и в уши
вкатиться горячей волной.
Но, когда замирает
пылинок, подсвечена, взвесь, —
на кровати и с краю,
в окне и на улице весь
я вишу, словно дождик,
бесшумный, сплошной, в шесть часов —
сумасшедший художник
с палитрой живых голосов.

Листьями сухими пошуршать,
с книгами живыми попрощаться,
бойкой молодежи не мешать,
в суету умом не помещаться.
Как один упорный сомелье
тексты оцифровывал охапкой.
Бабье лето, парки на скамье
вяжут для зимы носки и шапки.
Вот такой изученный лубок,
быта невеселая картинка.
Но упал и катится клубок,
и летит на синем паутинка.
Что еще? Слова уносит пар
и щенок сырую землю роет.
Помнишь, про созвездие Стожар
говорили, а еще про Троию.
Ну, так вот: Стожар и Трои нет,
разве клен, как светофор, пылает.
До Стожар не продают билет,
в цифру Троя перешла былая.

Любуюсь на осени сквозь лобовое
прохладу и жар,
когда, как из душа, то льет ледяное,
то вспыхнет пожар
охристых и бурых
и солнечным счастьем
легка голова.
Одна паутинка связать эти части
способна в слова,
умеет лететь над поселком остывшим,
грядую лесов,
над будущим, настоящим и бывшим —
прилечь на песок.